

слание «К другу стихотворцу», по нашему мнению, могло фигурировать в нем под названием «К Дельвигу». Такая расшифровка возвращает нас к первоначально установленной дате списка и объясняет заодно, отсутствие в нем среди посланий печатного дебюта Пушкина. Впрочем, это лишь гипотеза, как и все построение, предлагаемое ныне вниманию читателя.

Впервые: Русская литература. 1992. № 4. Для настоящего издания переработано.

- ¹ Вестник Европы. 1814. № 8. С. 324; ср.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991. С. 73.
- ² Бартев П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 80.
- ³ Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. 2-е изд., доп. СПб., 1899. С. 11.
- ⁴ Пушкин. Сочинения, издания имп. Академии наук/Приготовил и примечаниями снабдил Леонид Майков. СПб., 1900. Т. 1. С. 31 (2-я pag.).
- ⁵ См. прим. Ю. Г. Оксмана к «Плану первого неосуществленного издания стихотворений»: «Некоторые из произведений, отмеченные в этом списке, до нас не дошли («Бонапарте», «Ринальдо»); посланиями «Трубецкому» и «Кюхельбекеру» следует считать «Городок» и „К другу стихотворцу...“». (В кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1933. Т. 5. Кн. II. С. 734—735.)
- ⁶ Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. I. С. 49, 72.
- ⁷ ПД, ф. 244, оп. 27, № 54.
- ⁸ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991. С. 70. Последняя по времени попытка обосновать адресацию послания Пушкина Кюхельбекеру принадлежит Р. Г. Назарьяну (см.: Назарьян Р. Г. Вильгельм Кюхельбекер как адресат послания Пушкина «К другу стихотворцу» и автор оды «На взятие Парижа». Опыт гипотетического исследования//Временник Пушкинской комиссии: Сборник научных трудов. Вып. 25. СПб., 1993. С. 93—106). Автор склонен трактовать послание Пушкина буквально, как стремление отградить адресата от поэтического творчества, что кажется нам принципиально неверным; эта общая установка подчиняет себе всю частную аргументацию исследователя. Неубедительна и его попытка переприписывать Кюхельбекеру оду Дельвига «На взятие Парижа»; Р. Г. Назарьян не принимает во внимание, что В. П. Гаевский, собирав корпус стихов Дельвига, опирался на свидетельства лицейстов I выпуска (М. Л. Яковлева и др.) и его статьи, при всех их возможных неточностях, имеют значение первоисточника.
- ⁹ Грот К. Я. Пушкинский лицей: (1811—1817): Бумаги I-го курса, собранные академиком Я. К. Гротом. СПб., 1911. С. 253, 263—264, 471.
- ¹⁰ Терехина Р. Е. Поступления в лицейское собрание Пушкинского фонда: Листок из «Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого —ийший», новые автографы А. А. Дельвига//Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1972. Т. XXXI. Вып. 2. Март — апрель. С. 183—184.
- ¹¹ Oeuvres complètes de Boileau Despreaus... Paris.: 1835. P. 202.

¹² Дельвиг А. А. Соч. Л., 1986. С. 94—95.

¹³ Пушкин. Т. 11. С. 274, 519.

¹⁴ Дельвиг А. А. Соч. С. 85, 98.

¹⁵ Словарь языка Пушкина. М., 1961. Т. IV: С—Я. С. 182—183; 1957. Т. II: З—Н. С. 474—475.

¹⁶ Томашевский Б. В. Пушкин и Буало//Пушкин в мировой литературе. [Л.], 1926. С. 25.

¹⁷ Поэты-сатирики XVIII — начала XIX века. Л., 1959. С. 191—192.

¹⁸ Дельвиг А. А. Соч. С. 107.

¹⁹ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 227.

²⁰ Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. I. С. 115.

²¹ Петрунина Н. Н. Из истории первого собрания стихотворений Пушкина//Русская литература. 1990. № 3. С. 140—141.

«Князь, наперсник Муз» в пушкинском «Городке»

Если мы предложим любителям пушкинской поэзии назвать три самые известные лицейские стихотворения Пушкина, можно не сомневаться, что одним из них будет «Городок» (1814—1815). Это послание, легкое и живое, замечательно не только своими поэтическими достоинствами. Оно — своеобразный документ, позволяющий войти в круг чтения юного Пушкина и судить о его литературных пристрастиях в возрасте пятнадцати — шестнадцати лет; и потому «Городок» постоянно цитируют, когда заходит речь о становлении Пушкина-поэта и Пушкина-читателя.

«Городок» был написан под впечатлением знаменитого послания К. Н. Батюшкова «Мои пенаты», где старший поэт давал мгновенные портреты-характеристики своих учителей в поэтическом искусстве — живых и мертвых. То же по следам Батюшкова делает и Пушкин. Он называет Вольтера, Мольера, Лагарпа, Лафонтена, Расина; античных классиков — Гомера, Вергилия, Горация; русских поэтов и драматургов, уже ставших классиками, — Озерова, Фонвизина, Княжнина и здравствовавших еще Державина, Карамзина и Дмитриева. Но далее поименное перечисление оканчивается.

Оканчивается оно там, где Пушкин заводит речь о потаенной сафьянной тетради, куда переписаны сочинения, «презревшие печать».

Потаенные сочинения требовали и утаенных имен.

Конечно, здесь лишь остроумный литературный прием. Имена «врагов Парнасских уз» были даны описательно, иносказательно, но вполне прозрачно. Их легко угадывали современники; они не остались тайной и для потомков.

*Хвала вам, чады славы,
Враги Парнасских уз!
О князь, наперсник Муз,
Люблю твои забавы,
Люблю твой колкий стих
В посланиях твоих,
В сатире — знание света
И слога чистоту,
И в резвости куплета
Игриву остроту.*

Л. Н. Майков, выдающийся русский филолог, комментировавший сочинения Пушкина, вероятно, первым назвал адресата этих строк¹. Им был князь Дмитрий Петрович Горчаков, пятидесятишестилетний поэт, автор широко известных в свое время сатир, расхвалившихся в рукописях. Современники приписывали ему «Гавриилиаду», и Пушкин не стремился развеять это заблуждение, благо старый вольтерьянец скончался в 1824 году и не мог быть призван к ответу за кощунственное сочинение. Горчаков одним из первых стал писать по-русски «ноэли», и в этом смысле был предшественником Пушкина. Не будучи лично знакомым с Горчаковым, Пушкин видел его на лицейском экзамене 8 января 1815 года, когда читал свои «Воспоминания в Царском Селе»². Может быть, он имел и какие-то изустные сведения о Горчакове от его дальнего родственника и своего лицейского товарища Александра Горчакова.

Л. Н. Майков считался замечательным знатоком пушкинской и предпушкинской эпохи, и никто из последующих пушкинистов не усомнился в правильности его определения, хотя основания для сомнений имелись... Впрочем, об этом чуть позже.

Следующим неназванным поэтом был Батюшков:

*И ты, насмешник смелый,
В ней место получил,
Чей в аде свист веселый
Поэтов раздражил,
Как в юношески леты
В волнах туманной Леты
Их гуртом потопил<...>*

«Видение на берегах Леты». Прославленная сатира

Батюшкова на архаиков-шишковистов, будущих членов «Беседы любителей русского слова», наделавшая столько шума в петербургских литературных кругах, предвосхитившая пародии и эпиграммы «Арзамаса».

*И ты, замысловатый
Буянова певец,
В картинах толь богатый
И вкуса образец<...>*

«Певец Буянова» — дядя Василий Львович, передовой боец на форпостах будущего «Арзамаса», автор «Опасного соседа».

И ты, шутник, бесценный...

Не будем цитировать хрестоматийно известные строчки, посвященные «Трумфу» Крылова, одному из самых блестящих и самых бесцензурных сатирических произведений начала девятнадцатого столетия. Опустим их — не только потому, что их можно прочесть в любом собрании сочинений Пушкина, но и потому, что занимающая нас сейчас проблема уже обозначилась.

Итак, Крылову предшествуют три любимых сатирика Пушкина: Горчаков, Батюшков, Василий Пушкин. Сочетание весьма странное.

Батюшков, Василий Пушкин — будущие «арзамасцы», сторонники литературной реформы Карамзина, как и сам автор «Городка». Д. П. Горчаков — член «Беседы любителей русского слова», противник карамзинистов, направлявший в них свои критические стрелы. Позиция его была хорошо известна, как и его связи: друг и родня печально знаменитого графа Хвостова, соратник Н. П. Николева, кумира архаистов прежнего времени, литературный недруг Фонвизина. В «Беседе» он занимал почетное место среди официальных литераторов и потому вряд ли мог считаться «врагом Парнасских уз». Да и другие оценки его в «Городке» звучат преувеличенно: *острота, колкость* действительно были присущи этому даровитому поэту, — но *резвость, чистота слога, игривость*? И почему Пушкин ни разу больше не назвал Горчакова в числе поэтов, достойных особого внимания?

Полно, о нем ли идет речь в «Городке»?

Присмотримся внимательнее к строкам о «князе, наперснике Муз». В них есть «чужие слова». Первое «чужое слово» очевидно: оно выделено курсивом, означающим цитату. «Хвала вам, чады славы» — строчка из «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского.

Другие скрыты в тексте глубже. Они обнаружатся, если мы прочтем его параллельно с «Моиими пенатами» Батюшкова:

Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важных муз,
Беспечные счастливыцы,
Философы-ленивцы,
Враги придворных уз<...>

Батюшков обращал эти строки к князю Вяземскому и Жуковскому. Пушкинское обращение к «князю» словно соткано из батюшковской лексики, фразеологических оборотов, даже рифм: *славы — забавы, муз — уз...*

Не Вяземский ли адресат его строк? Он тоже был автором сатирических стихов, расходившихся в рукописях и запретных для печати. Он писал куплеты и, подобно Горчакову, упражнялся в жанре «ноэля», и последний его «ноэль», написанный в 1814 году, где он, кстати, задел и самого Горчакова, имел успех скандала³. Соседство его в «потаенной тетради» рядом с Батюшковым и Василием Пушкиным, единомышленниками, «врагами Парнасских уз» не просто было естественным: оно было почти неизбежным; самое отсутствие Вяземского в этом ряду выглядело бы как демонстрация.

В 1814—1815 годах для лицеиста Пушкина он был одним из поэтических учителей.

Если мы прочтем все характеристики, которые Пушкин давал Вяземскому — поэту и критику, мы, кажется, рассеем последние сомнения.

«Люблю твой колкий стих». В послании «Вяземскому» (1821) Пушкин напишет: «Язвительный поэт, остряк замысловатый, И блеском [колких слов], и шутками богатый...». В стихотворении 1825 года «Из письма к Вяземскому» находим: «Писатель нежный, тонкий, острый...». Эта «колкость» и «острота» «резва» и «игрива», непринужденна, легка. На протяжении нескольких лет оба эпитета были у Пушкина постоянно прикреплены к имени Вяземского:

...я люблю его сердечно
За то, что любит он беспечно
И петь, и пить свое вино,
И над всемирными глупцами
Своими резвыми стихами
Смеяться, право, пресмешно.

Из письма к В. Л. Пушкину
от 22 декабря 1816 года

Ужель ты изменил
Любви и дружбе нежной,
И резвости небрежной?

Кн. П. А. Вяземскому, 1818

Ты право получил, благодаря судьбе.
Смеяться весело над Злобою ревнивой,
Невежество разить анафемой игривой.

Вяземскому, 1821

Но, быть может, еще важнее и индивидуальнее формула «В сатире — знание света», которую мы находим в «Городке». Она имеет особый смысл. «Знание света» не означает в ней «знание светских нравов, подлежащих сатирическому изображению», как можно было бы подумать. Пушкин говорит об ином — о воспитанности, о соблюдении приличий общежития, без чего сатира превращается в грубый пасквиль. Это качество Пушкин находил именно в сатирах Вяземского. В 1830 году он пишет: «к.<нязь> Вяземский может смело сказать, что личность его противников никогда не была им оскорблена» и отнесет это за счет «ума светского и тонкого знания общежития»⁴. А шестью годами ранее он отметит «остроту и светскую вежливость», которой Вяземский сумел наделить даже своих воображаемых противников⁵.

Это был общий принцип «карамзинистской» критики, который разделял и молодой Пушкин.

Думается, сказанного достаточно, чтобы вернуть князю Петру Андреевичу Вяземскому законное принадлежащее ему место в «потаенной тетради» пушкинского «Городка».

Впервые: Русская речь. 1990. № 3.

¹ Сочинения Пушкина, изд. Имп. Академии наук. 2-е изд. СПб., 1900. Т. I. С. 82—83 прим.

² Русские поэты-сатирики XVIII — начала XIX века. Л., 1959. С. 87—88.

³ Вяземский П. А. Сочинения. М., 1982. Т. I. С. 47—51, 380—382.

⁴ Пушкин. Т. II. С. 97.

⁵ Там же. С. 20.

«Стансы к винограду»

Есть два лицейских послания Пушкина, занимающие в его юношеской лирике особое место. Адресат их, Александр Иванович Галич (1783—1848) читал в лицее рос-